

ЛУИЗА ДОНН

АГАТИЯ И ДРУГИЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

1702

18+

Луиза д'Оней

Агатия и другие волшебные сказки

«Автор»

2026

д’Оней Л.

Агатия и другие волшебные сказки / Л. д’Оней — «Автор», 2026

Три волшебные сказки Луизы д’Оней из сборника 1702 года: «Агатия, принцесса скифов», «Принцесса Леониса» и «Любопытный принц». Враждующие царства, тайны происхождения, ревнивая королева, заколдованный дворец и волшебное кольцо составляют мир, в котором любовь испытывается властью и опасностью. Полный перевод с французского сопровождают примечания и новые цветные иллюстрации в манере старинной гравюры. Издание предназначено для взрослого читателя. Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

© д’Оней Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Агатия, принцесса скифов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Луиза д'Оней

Агатия и другие волшебные сказки

Предисловие к русскому изданию

Дорогой читатель!

В этой книге собраны три волшебные сказки Луизы д'Оней: «Агатия, принцесса скифов», «Принцесса Леониса» и «Любопытный принц». Они появились в составе её «Тирании фей» в 1702 году. Это самостоятельные истории одного автора, расположенные здесь в порядке старинного сборника. Обрамляющее повествование «Тирании фей» в настоящий выпуск не входит.

Французская литературная сказка рубежа XVII–XVIII веков любила пышность дворцов, неожиданные превращения и разговоры о власти любви. У д'Оней волшебство испытывает и правителей, и влюблённых. В «Агатии» старая вражда двух народов сталкивается с благодарностью и вновь обретённым родством. В «Принцессе Леонисе» ревность оборачивается преследованием, а освобождение любимой становится трудным подвигом. В «Любопытном принце» придворная игра, настойчивость героя и подаренное феей кольцо приводят к неожиданно открытому окончанию.

Основой перевода послужил пятый том «Кабинета фей», изданный в Женеве и Париже в 1785 году: страницы 284–381. Начала, окончания и отдельные спорные чтения сопоставлены с парижским изданием Жана Фурниля 1703 года. Позднейшая переработка мадемуазель де Любэр 1756 года не использована. Дата 1702 на обложке указывает на первое издание сборника, а не на год русского перевода или использованной цифровой копии.

Перед вами полный перевод трёх выбранных сказок, без семейной адаптации. Сохранены повторы, авторские сравнения и резкие повороты рассказа. Не сочинено продолжение «Любопытного принца» и не исправлена догадкой нестыковка в его ночной сцене. Два предположительных редакционных чтения в «Леонисе» отдельно обозначены в примечаниях; они не выдаются за подтверждённые ранней печатью. Сказочные народы, обычаи и античные имена не следует принимать за точное описание истории.

Перед вами старинные французские сказки в полном переводе. Издание адресовано взрослому читателю.

Цветные иллюстрации созданы специально для этого русского издания. Их гравюрная манера и тёплая состаренная бумага напоминают о старинной книге; костюмы, лица и архитектура являются художественным истолкованием сказок, а не исторической реконструкцией. Обложка соединяет встречу у Аракса с волшебным мотивом колесницы.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

Агатия, принцесса скифов

Новая волшебная сказка

В давние времена скифами, жившими на берегах Аракса, правила царица — внучка той Томирис, которая столь известна в истории гибелью великого Кира. Она носила имя своей жестокой бабки и нисколько не уступала ей гордостью. Её супруг, принц редких достоинств, погиб в сражении с исдонами — народом, который, хотя и принадлежал к скифам, имел большие, прекрасно устроенные города. Царица осталась беременной и вскоре после смерти мужа родила дочь, назвав её Агатией. Этот ребёнок был чудом природы. С самого её рождения феи, охотно жившие среди этих воинственных народов, осыпали девочку всеми дарами, какие только могли сделать её совершенной. Мать не уставала целовать её. Дочь была так похожа на покойного царя, что от этого становилась ей ещё дороже.

Однако едва царица окрепла настолько, чтобы переносить тяготы войны, и привела в порядок войско, расстроенное смертью царя, как задумала отомстить за него. Оставив маленькую принцессу в царских шатрах, она выступила в поход. Всем известно, что скифские женщины храбростью немногим уступают мужчинам; войны, которые жестокая Томирис вела против покорителя Скифии, достаточно знамениты, и потому не приходится удивляться, что её внучка пожелала сама сражаться во главе войска, мстя за смерть супруга.

Царь исдонов предвидел, что враги не дадут ему покоя, и вывел войско к границе, на обширную равнину. Две армии разделял небольшой ручей; во многих местах его можно было перейти вброд, и потому он не мешал им сойтись. Неистовая страсть, волновавшая сердце Томирис, позволила ей потратить лишь столько времени, сколько требовалось, чтобы выстроить полки. Кратко напомнив воинам об их долге — доблестно сражаться и смертью врага умиловить тень своего царя, — она первой перешла ручей. За нею последовало всё войско. Царь исдонов встретил их так, как подобает государю, привыкшему побеждать. Битва была долгой и кровопролитной для обеих сторон. Победа, казалось, склонялась к исдонам, но гордая царица, заметив замешательство на своём левом крыле, поспешила туда. Её подвиги вновь воодушевили солдат: устыдившись того, что женщина учит их побеждать, они сомкнули ряды, ударили на одолевшего их противника и заставили его уступить победу.

Смятение охватило всё войско царя исдонов. Чтобы не попасть в руки непримиримой неприятельницы, он с немногими спутниками укрылся в пограничном городе. Царица не могла насладиться победой: досада на то, что враг не оказался в её власти, отравляла ей радость. Вся пролитая кровь не могла утолить её гнева, пока к ней не прибавилась кровь царя исдонов. Томирис знала, что скифы сражаются с великой отвагой, но не умеют вести осаду, и не сомневалась, что противник отступит в свою столицу.

Прямо на поле битвы она собрала военный совет, чтобы решить с полководцами, следует ли преследовать царя исдонов. Они возразили, что победоносному войску всё же нужен отдых и что не стоит углубляться в незнакомую вражескую страну.

Эти доводы были не по нраву Томирис. Она жила одной мезьтью, и всё, что её отсрочивало, приводило царицу в отчаяние. Поэтому она ответила, что боги слишком справедливы, чтобы не принять её сторону; нельзя давать врагу время добраться до Исдонов — города почти неприступного; нужно застигнуть его в Испанисе, где он ещё находится. Город, сам по себе укрепленный слабо, а теперь защищаемый солдатами, которых страх уже наполовину победил, не устоит перед ними. Пришлось уступить столь настойчивым доводам. На следующий день,

едва рассвело, войско двинулось через опасные теснины и после трёхдневного перехода подошло к Испанису.

Я не намерена подробно рассказывать о событиях этой кровопролитной войны: я пишу историю Агатии, а не Томирис. Довольно сказать, что мстительная государыня после довольно долгой осады принудила Испанис сдаться. Не найдя там царя, она велела предать мечу несчастных жителей. Затем, продвигаясь от победы к победе и не умеряя ярости, добралась до столицы и осадила её; со времени её выхода из Скифии прошло тогда два года. Наконец Исоны разделили участь всего царства: после двенадцати лет войны Томирис с торжеством вступила в город. Царя взяли в плен и привели к гордой победительнице. Она велела заковать его в цепи и, намереваясь принести в жертву на могиле мужа, приказала отвести во дворец. Там она застала его супругу с юной принцессой и заключила их в одну темницу с несчастным государем. В Исонах царица оставалась лишь столько, сколько требовалось для отдыха войска.

Оставив в городе и по всему царству наместников, которым поручила удерживать завоеванные земли, она двинулась обратно в Скифию, увозя с собой царя, его жену, дочь и двух юных принцев — его племянников.

В царских шатрах с великой радостью встречали возвращение столь прославленной государыни. Агатия вышла ей навстречу со всем двором; вдоль дороги теснился народ, жаждший увидеть свою повелительницу. Юная принцесса бросилась к ногам матери, и та поспешно подняла её. Боги, как счастлива была царица, увидев, какой красавицей стала её дочь! С прелестью её стана могла сравниться лишь красота лица: так изображают Венеру, когда она желала одержать верх над тремя богинями. Всё войско не уставало восторженно приветствовать столь совершенную принцессу.

Агатия с болью смотрела на венценосных пленников в цепях, следовавших за царицей. Особенно растрогала её Меналипа — так звали поработённую принцессу. Агатия отвернулась, чтобы скрыть слёзы, которые это печальное зрелище исторгло из её прекрасных глаз.

Многочисленный двор прибыл в царские шатры. Царя исонов и его семейство поместили под строгую стражу до назначенного дня казни: им должна была стать годовщина гибели супруга Томирис, до которой оставалось шесть месяцев. Скифы, привыкшие приносить своему жестокому богу в жертву чужеземцев, проходивших через их земли, с нетерпением ждали этого дня. Одна Агатия жалела несчастного государя и не могла скрыть своего сострадания от матери. Она попросила у неё милости: чтобы с пленником обращались как с царём, а Меналипе позволили жить при ней. Томирис согласилась неохотно. Едва получив разрешение, юная принцесса поспешила к царице исонов и пообещала употребить всё своё влияние на Томирис, чтобы спасти ей мужа. Меналипа не хотела оставлять мать, но та объяснила, как важно для всех них сохранить дружбу принцессы. Поэтому Меналипа со слезами последовала за Агатией и пошла поблагодарить Томирис за снисхождение. С того дня принцессы стали неразлучны.

Они нежно любили друг друга, были ровесницами и одинаково прекрасны; несмотря на столь юные годы, в их уме уже не было ничего детского. Часто они отправлялись гулять вдоль реки. Однажды, когда они удалились дальше обычного, конь Агатии закусил удила и помчался так стремительно, что вскоре оторвался от свиты. Принцесса была в ужасе; берег оглашался её криками. Их услышал молодой пастух, пасший неподалёку стадо. Он побежал навстречу коню, выставил железный наконечник своего посоха и, схватив узду, остановил его. Принцесса успела спрыгнуть на землю, но, полумёртвая от страха, опустилась на траву и не нашла сил поблагодарить спасителя. Тут подоспела вся свита. Меналипа бросилась к Агатии с

распростёртыми объятиями. Отвечая на её ласку, та сказала:

— Если бы не этот прекрасный пастух, я бы погибла, милая сестра.

Все спешили благодарить юношу, чья красота и благородная осанка внушали почтение, несмотря на пастушескую одежду. Он не отвечал ни на одно слово и стоял неподвижно, не сводя глаз с принцессы. Когда же она поднялась, чтобы уехать, и взглянула на него с той оча-

ровательной кротостью, которая была ей так свойственна, то сказала, что сообщит царице-матери, кому обязана жизнью, и позаботится о его судьбе.

— То, что я сделал, сударыня, не заслуживает награды, — ответил он. — Радость от того, что мне удалось это сделать, уже вполне меня вознаградила.

Принцесса вернулась в царские шатры и рассказала матери о случившемся.

Она не забыла ни превознести услугу, оказанную ей пастухом, ни похвалить его красоту и величавый вид. Томирис велела искать юношу по всей округе, но напрасно: его нигде не нашли. Царица выразила сожаление, Агатия же была по-настоящему опечалена. Образ пастуха часто возникал в её мыслях; любовь, скрываясь под личиной благодарности, незаметно для самой принцессы завладевала её сердцем. Агатия стала задумчивее, чем прежде, искала уединения и лишь Меналипе поверяла свои тревоги.

Тем временем приближался день казни царя исдонов. Агатия тщетно молила Томирис о милосердии: помилования несчастного царя ей добиться не удалось. Мать полагала, что чем больше крови прольётся, тем полнее будет утолена скорбь тени её супруга, и желала принести в жертву также обоих юных пленников. Слёзы Меналипы вымолили лишь жизнь её матери.

Бедная принцесса была безутешна. Агатия на несколько дней забыла прекрасного пастуха, стараясь утешить подругу. Наконец настал роковой день. Перед шатром Томирис сложили огромный костёр. Площадь окружили войска; по четырём углам возвели помосты для придворных. Помост грозной царицы был осенён богатым балдахином. Едва она заняла своё место, из шатра царя исдонов вышел верховный жрец. Несчастный государь появился во всём царском облачении. За ним шли юные принцы, столь удручённые своей жалкой участью, что даже их жестокие враги не могли подавить чувства сострадания. Жестокая Томирис торжествовала и со злорадством смотрела на венценосные жертвы, жадно предвкушая их кровь. Между тем царь подошёл к костру и, не унижаясь жалобами на судьбу, взошёл на него, не дожидаясь понуждения верховного жреца.

Племянники последовали его примеру. Сами взяв смертоносные факелы из рук жестоких служителей, они подожгли костёр. Этот героический поступок вызвал у народа крики восхищения, а весь двор подумал, что принцы, умеющие так презирать смерть, достойны жить вечно.

Мстительная царица с безмерным наслаждением смотрела на пламя, готовое поглотить знатных жертв её ярости. Но вдруг в воздухе показалась колесница, запряжённая четырьмя крылатыми драконами, и плавно опустилась на костёр. Из неё вышла высокая женщина, одетая так, как изображают Палладу. Её доспехи были сплошь усыпаны драгоценными камнями; поднятое забрало шлема открывало лицо, исполненное благородной гордости. Она подошла к пленникам, велела им сесть в колесницу и заняла место рядом. Драконы снова взмыли ввысь и вскоре скрылись в тех небесах, откуда только что спустились.

Необычайное зрелище словно оцепенило народ. Томирис испускала крики ярости. Один из слуг принцессы побежал сообщить ей о столь удивительном происшествии. Меналипа едва не умерла от радости, а царица исдонов не могла поверить такому счастью. Но не успели они опомниться от первого восторга, как почувствовали, что некая сила уносит их: шатёр, в котором они находились, расступился надвое, пропуская их. Это случилось как раз тогда, когда Томирис, обезумев оттого, что у неё вырвали жертвы, шла собственноручно убить обоих пленниц. Какой новой яростью исполнилась беспощадная государыня! Она обрушила гнев на богов — покровителей своего царства — и поклялась впредь не приносить им жертв. Но этим ещё не исчерпывались бедствия, ожидавшие её в день, который казался столь подходящим для утоления мести.

Едва костёр догорел, как из пепла возникло чудовище, настолько страшное, что всё сказанное поэтами о Химере, славно побеждённой Беллерофонтом, не могло с ним сравниться. Из его глаз и ноздрей вырывались огненные вихри, возвестив новое пламя. Перепуганный народ бросился к берегам Аракса. Царица, слыша вопли несчастных, которых пожирало чудо-

вище, приказала всем войскам, собранным для охраны стана, убить его. Но стрелы не пробивали твёрдую чешую и лишь распаляли его свирепость. Оно прорвалось сквозь войско, сжигая и сокрушая всё на своём пути, а затем укрылось в лесу позади царских шатров. Оттуда оно каждый день выходило опустошать страну и убивать её жителей. Даже земные плоды не щадило оно, испепеляя их огнём из ноздрей.

Вся Скифия погрузилась в отчаяние. Столь отважный народ, раздавленный превосходящей его силой, понял — но слишком поздно, — что жестокость царицы навлекла бедствия, грозившие погубить всю страну. Никого не миновала общая участь: чудовище пожирало стариков и даже детей; женщины также не спасались от его смертоносных зубов. Томирис тщетно искала избавления от столь тяжких бед. Она возносила обеты тем самым богам, чьи жертвоприношения в гнев поклялась отменить. Они оставались глухи к её голосу. Принцесса непрерывно присоединяла свои мольбы к материнским, но и её не слушали, а жестокое чудовище с каждым днём становилось всё свирепее.

В довершение несчастий пришла весть: фея Амазона отвезла царя исдонов и всё его семейство в Исоны и подняла народ на восстание. Восставшие застали врасплох гарнизоны Томирис, перебили их и вернули своему царю престол. Теперь он готовился идти мстить скифам, и фея Амазона должна была сопровождать его. Томирис и без этого последнего удара была сокрушена. Не зная больше, как выбраться из лабиринта, в который она попала, царица решила прибегнуть к помощи могущественной феи. Та жила во дворце в лесу близ Аракса и была одной из тех, кто одарил при рождении принцессу Агатию.

Фея приняла её ласково, но сказала, что не может прекратить бедствия, в которые царицу ввергла жажда кровавой мести царю исдонов. Фея Амазона поклялась её погубить; чудовище, жаждущее царственной крови, требует её дочь. Теперь самой Томирис надлежит пожертвовать своей кровью, чтобы сохранить жизнь оставшимся несчастным подданным. А конца её бедам фея не предвидит иначе, как через злейшего врага царицы.

Этот печальный ответ поверг Томирис в полное отчаяние. Скрыть его было невозможно: весь двор, сопровождавший её, стал тому свидетелем. Она не сомневалась, что жестокий народ, не желая погибать, принудит её отдать Агатию чудовищу.

Она вернулась в царские шатры в смятении, с которым ничто не могло сравниться. Весь двор разделял её горе. Агатия пользовалась такой всеобщей любовью, что её смерть почитали величайшим из несчастий. Сама принцесса ещё не знала своей участи: она не ездила с Томирис к фее. Выйдя навстречу матери, Агатия с надеждой спросила, можно ли ждать избавления от общего бедствия.

— Ах, милая дочь! — воскликнула царица, обнимая её и заливаясь слезами. — Пусть лучше наши муки длятся вечно, чем прекратятся ценой твоей смерти!

Принцесса содрогнулась при этих словах и, не смея просить объяснений, стала ждать своего приговора. Томирис пожалела о том, что вырвалось у неё в порыве скорби, но, понимая, что теперь уже ничего не скрыть, рассказала о предсказании феи. Она поклялась, что скорее погибнет вся Скифия, нежели для её спасения прольётся столь драгоценная кровь.

— Я не заслуживаю столь нежных знаков вашей доброты, государыня, — ответила прекрасная принцесса, отирая слёзы, которые исторгла из её глаз ужасная судьба. — Если боги требуют моей жизни, чтобы избавить ваших подданных от смертоносных зубов дракона, я отдам её, жалея лишь о разлуке с вами.

— Нет, дочь моя! — воскликнула царица. — Напрасно жестокие боги требуют твоей жизни. Я сумею уберечь столь дорогую мне голову.

— Тщетно вы стали бы противиться их велениям, — возразила принцесса. — Они покарали бы меня, и моя смерть не принесла бы пользы вашим несчастным подданным. Поэтому, государыня, не делайте меня виновнее страшного дракона. С той минуты, когда фея объявила вам волю богов, и до самой моей смерти я буду отвечать за все убийства, которые он совершит.

Все дивились стойкости Агatii в столь юном возрасте. Столь благородные чувства ещё усилили нежность царицы, и она так решительно запретила дочери продолжать, что та не посмела больше говорить. Между тем ярость чудовища возрастала. Ежедневно оно словно требовало свою жертву, беспрестанно убивая людей возле царских шатров. Народ громко требовал избавить его от жестокого врага и грозил силой захватить принцессу, если царица не отдаст её чудовищу: иного способа освободиться от столь страшного гнёта не было. Агатия упала к ногам матери, умоляя уступить неотвратимой необходимости. Она говорила, какой позор для принцессы — если её поволокут на казнь силой. Наконец она добилась согласия: на следующий день её должны были отдать чудовищу. Принцесса удалилась в свой шатёр и провела ночь, готовясь к жестокому жертвоприношению. Едва народ узнал о решении царицы, как успокоился; чудовище же, словно уже начало насыщаться столь прекрасной кровью, вернулось в своё логово, никому не причинив вреда.

Едва рассвело, принцесса вышла из царских шатров; её вела плачущая царица. Весь двор дивился мужеству юной девушки. Никогда ещё она не казалась столь прекрасной. Нужно было быть столь же жестоким, как чудовище, чтобы не растрогаться её судьбой. Они пришли на роковое место. Завидев приближавшегося зверя, царица чуть не умерла от горя. Принцесса в последний раз обняла Томирис, вырвалась из её объятий и пошла ему навстречу.

Но боги, покровительствующие невинности, послали ей помощь. Тот самый пастух, который уже спас её от взбесившегося коня, вновь явился — вырвать её из страшной опасности или расстаться с жизнью, невыносимой без неё. Он выступил перед принцессой в тот миг, когда чудовище уже собиралось её пожрать, и ударил железным наконечником своего посоха. Удар пришёлся так точно в уязвимое место, что зверь рухнул, истекая кровью. Как обрадовалась царица, увидев дорогую дочь спасённой от столь великой опасности! Она бросилась к ней с распростёртыми объятиями, а затем обратилась к прекрасному пастуху:

— Какой дух, благосклонный к этому царству, послал вас мне на помощь? И какой стыд моим неверным подданным: чужеземец спасает их принцессу от казни, на которую они её обрекли!

— Ах, государыня! — сказала Агатия, узнав пастуха. — Он уже во второй раз возвращает мне жизнь. Это тот самый юноша, которого вы так усердно искали. Несомненно, он какой-нибудь бог: смертному человеку не под силу то, что мы только что видели.

— Сударыня, — ответил пастух, — вы слишком превозносите поступок, который не заслуживает таких похвал. Я благодарю небеса за то, что, несмотря на все мои несчастья, они сохранили мне жизнь до этого дня, когда я смог оказаться вам полезен.

— Ах, я никогда не забуду столь великой услуги! — подхватила Томирис. — И если для счастья вам недостаёт лишь удачи, я возведу вас в такое звание, что жаловаться на судьбу вам не придётся.

После этих слов царица направилась обратно к шатрам. Повсюду раздавались радостные крики; каждый спешил увидеть чудесного пастуха. Этот храбрый народ, не сумевший одолеть

чудовище, ради спасения собственной славы готов был признать юношу духом-хранителем царства.

Уверившись в этом, ему воздавали почести, мало отличавшиеся от царских. Ни войско, которое царь исдонов набирал по всей стране, ни помощь феи Амазоны больше их не пугали. Все полководцы просили Томирис отдать юноше главное начальство над войсками. Царица и сама весьма к этому склонялась. Так наш пастух стал военачальником. Он заверил Томирис, что не пожалеет жизни, лишь бы достойно оправдать честь, оказанную ему ею и всей Скифией.

Принцесса радовалась, видя, как осыпают милостями её спасителя, но её тревожило, что благодарность заходит дальше, чем ей хотелось бы. Низкое происхождение юноши заставляло её осуждать собственное чувство. Порой, чтобы утешиться, она говорила себе: маловероятно, чтобы он был тем, кем кажется. Одно обстоятельство укрепляло её в этой мысли: она заметила на его руке знак в виде скипетра. Ей не верилось, что боги могли одарить столь царственной отметиной человека низкого звания.

Между тем царица, желая осыпать его благодеяниями, окружила его свитой, равной собственной. Она прислала ему одежды, какие носят принцы, и повелела впредь надевать их. Как хорош был он в этом великолепном наряде! Он выглядел в нём так естественно, что трудно было поверить, будто он не носил его всю жизнь. Великие услуги, оказанные Агatii, открывали ему доступ в её шатёр во все часы, когда она принимала посетителей. Юноша так умело пользовался этой возможностью, что почти не покидал принцессу. Как он ни сдерживался, его глаза слишком ясно говорили о страстной любви, вспыхнувшей в тот роковой миг, когда он впервые увидел её на берегу Аракса. Его сжигал столь прекрасный огонь, что он тотчас последовал бы за нею, если бы сверхъестественная сила не помешала ему.

Юная принцесса достаточно интересовалась прекрасным пастухом — отныне мы будем звать его Агатрисом, как велела именовать его царица, — чтобы заметить страдания, причиной которых была сама. Но, неизменно помня, что он не принц, она так тщательно скрывала свои чувства, что несчастный влюблённый считал их неразделёнными. Он знал, что по рождению равен ей, хотя ему и были неведомы имена тех, кто дал ему жизнь. Это знание позволяло ему осмелиться любить принцессу; однако доказательств своего происхождения у него не было, и, опасаясь прослыть дерзким, он довольствовался тайными вздохами. Необходимость скрываться повергала его в смертельную тоску. Царица, горячо к нему привязавшаяся, часто спрашивала о её причине. Если бы такой вопрос задала Агатия, не знаю, смог ли бы он отказать себе в радости всё ей открыть.

Тем временем Томирис ежедневно получала известия, что царь исдонов готов выступить в поход. Она решила предупредить его и отдала необходимые распоряжения, чтобы через несколько дней войско было готово к выступлению. Скифы, стыдясь того, что вынудили свою принцессу отдаться жестокому чудовищу, хотели доблестными подвигами в новой войне загладить свою бесчеловечность и смыть позор кровью врагов. Агатрис с нетерпением ждал случая

доказать принцессе, что достоин чести, оказанной ему скифами. Правда, страх погибнуть на войне, так и не открыв ей своих чувств, лишь усиливал его печаль. Но настал день выступления; Томирис простилась с дочерью. Агатрис смог откланяться ей лишь в присутствии всего двора. Наконец пришлось последовать за царицей; радость оказаться во главе войска, состоявшего из столь храбрых воинов, несколько отвлекла его от любви к Агатии.

Через несколько дней пути они вышли на широкую равнину, откуда было видно войско царя исдонов. Томирис намеревалась дать сражение как можно скорее: от лазутчиков в неприятельском стане она узнала, что царь ожидает подкрепления в десять тысяч человек, которое прибудет лишь через два дня. Поэтому, хотя её воины устали, она решила сражаться уже назавтра. Царица отдала последние приказания; едва занялся день, Агатрис выстроил войско и повёл его прямо на врага. Иссоны не уклонились от битвы, хотя уступали числом: фея Амазона сказала им, что этот день решит исход войны. Агатрис совершал сверхъестественные подвиги, и царица не уставала благодарить небеса за то, что послали ей этого чудесного человека. Он один противостоял необычайной отваге Амазоны. Вражеское войско было почти разбито; Агатрис уже готовился принести несчастного царя исдонов в жертву мести Томирис, когда фея удержала его за руку.

— Остановись, безрассудный юноша! — воскликнула она. — Неужели ты хочешь убить государя, который дал тебе жизнь?

Поражённый этими словами, Агатрис замер. Царица, находившаяся неподалёку, приблизилась и знаком велела сражавшимся в этом месте на мгновение приостановить победный натиск.

— Жестокая фея! — сказала она. — Разве вам мало всех бед, которые вы мне причинили? Неужели вы ещё и хотите столь явной ложью удержать победоносную руку моего защитника?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.